

ВЛАДИЛЕН ЕЛЕОНСКИЙ

Контрразведка показывает зубы

КОМПРОМАТ НА ПРЕЗИДЕНТА

**Владилен Елеонский
Контрразведка
показывает зубы.
Компромат на Президента**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514486
ISBN 9785447476939*

Аннотация

Российский контрразведчик нейтрализует беглого миллиардера, пытавшегося скомпрометировать президента России, подруга миллиардера помогает скрыться, однако миллиардер гибнет, и британские власти подозревают их в его убийстве.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава первая. Тунец, игрец	11
Глава вторая. Тунец почти не виден	50
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Контрразведка
показывает зубы
Компромат на Президента**

Владилен Елеонский

*Капитану первого ранга Николаю Архиповичу
Масленникову посвящаю*

© Владилен Елеонский, 2018

ISBN 978-5-4474-7693-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

*Жил-был тунец, певец, игрец,
Нрав у него, что тот свинец,
Он много пил морской воды
И спорил из-за ерунды.*

Владилен Елеонский, Сказка о спесивом тунце

Формула преемственности власти сработала, как умная электронная мина, однако подорвался на ней сам Дима. Преемник окружил себя друзьями детства и сослуживцами по КГБ, после чего Дмитрий Сырых оказался за бортом, и никто не собирался бросать ему спасательный круг.

Вместо фейерверка демократии воцарились швейцарские наручные часы, гламурный стиль и сказка про белого бычка. Страна превратилась в аквариум, а Дима стал похож на рыбака, которому вместо рыбной ловли предлагают любоваться на эксклюзивных рыб сквозь стекло.

Лондон, старинный Лондон, красавец Лондон, как много надежд было связано с тобой! Прибытия Димы, как будто ожидали, даже кое-что обещали, однако всё рассеялось, как переменчивый лондонский смог, когда Дмитрий, в самом деле, поселился в Великобритании, получив статус политического беженца и новое имя – Пол Вселенный. Особняк на Посольской аллее, который виделся Диме мозговым центром нового истинно демократического правительства Рос-

сии, приняв парочку мутноватых типов, пообещавших вывести народ на улицы, однако после получения щедрого аванса благополучно испарившихся, стал роскошными апартаментами именитого отшельника.

Дима скоро понял, что здесь московские варианты не проходят, а шлейф слухов о его связях с русской мафией портит лондонскую атмосферу. Каких только корреспондентов он ни нанимал, какие проникновенные интервью ни давал, дела буксовали, и бомонд его не принял, хотя слово «вор» не прозвучало ни разу. Необходимо было срочно предстать в облике мученика.

Английская писательница Маргарита Смит, привлекательная одинокая молодая женщина русского происхождения, обратила на себя внимание, когда вышел её очередной роман о приключениях забавного тунца. История рыбы, без усталости метавшей, словно икру, идеи яркой жизни, и всякий раз после серии забавных приключений, неизменно изгонявшейся из серой стаи, имела определенный успех.

Пол предложил Рите сотрудничество и не пожалел. Мало того, что она превосходно владела русским языком, была необычайно милой в общении, у неё к тому же имелась замечательная способность чётко выражать сумбурные мысли Пола на бумаге.

Вскоре объёмистый том с многозначительным названием «Россия в кольце» был представлен публике, и целую неделю мировая пресса оживлённо комментировала трагическую

историю беглого русского миллиардера. «Бывших сотрудников КГБ не бывает», – согласно версии, изложенной в книге, этот закон он осознал слишком поздно.

Автор увлекательно и красочно, словно речь шла об удивительном мире рыб, расписал уловки Кольцова, благодаря которым он эффектно пустил пыль в глаза всему белому свету, на самом деле не желая никакой демократии, более того, в глубине души искренне полагая, что она есть кровоточащая язва на теле общества. Всех буквально сразил тезис о том, что российская интеллигенция, словно любящая жена при муже-деспоте, покорно терпит автократический режим, втайне мечтая о спасительной силе Запада.

Пол воспрянул духом, заплатил Рите какой-то немислимый гонорар и стал, как невеста на выданье, ждать предложений, однако пришло лишь несколько сочувственных пожеланий дальнейших литературно-публицистических успехов, и всё вернулось на круги своя. Впору было взвыть сибирским волком в лондонских джунглях!

Дима сносил в жизни многое, но не мог пережить одного – равнодушия к своей персоне. Нет, он никогда не станет лондонским обывателем – улыбочивым завсегдатаем набитых до отказа пабов, когда посетители тесно жмутся друг к другу, словно пингвины на крохотной льдине, и верного болельщика «Челси» с вечным бело-голубым шарфом у подбородка. Книга что-то сдвинула, она пробудила в бесстрастном английском обществе нечто, отдалённо напоминающее сочув-

ствие, поэтому следует срочно ковать железо, пока горячо, а под лежащий камень, как известно, вода не течёт.

Когда он узнал, что Рита имеет выходы на кое-кого в британских спецслужбах, план созрел во время принятия душа. Он сообщил ей, что имеет убийственный компромат на Кольцова, который согласно составленному завещанию будет обнародован после смерти Пола Вселенного. Между прочим, у него вдруг обнаружились серьёзные проблемы с лёгкими, и врачи настоятельно советуют отойти от дел.

Следует организовать утечку информации, однако таким образом, чтобы Кольцов не догадался о том, что утечка исходит от Димы. Параллельно следует найти провокатора, – человека из Москвы, который сыграет роль орудия в руках Кольцова и изобразит, что президент России через своих людей послал его нейтрализовать беглого политика и бизнесмена, чтобы не допустить обнародования компромата.

Рита сообщила, что близко знакома с помощником британского военно-морского атташе в России Мэтью Скоттом. Этот знаток не только женских душ недавно дал понять русским, что готов сотрудничать с ними после того, как они поймали его на какой-то совершенно несурзадной истории с очаровательной школьницей.

После выдающегося по силе накала общения с Мэтью, о деталях которого Рита умолчала, она сообщила Полу, что британские спецслужбы готовы рискнуть. Скотт станет каналом слива дезинформации. Прикрыв истинного инициатора,

он сообщит о планах Пола по обнародованию компромата Аркадию Горину, который ошибочно полагал, что завербовал Скотта на истории со школьницей. Согласно плану Скотта, предложенному Горину, человек из Москвы под видом беглого моряка-подводника прибудет, чтобы войти в доверие к Полу и довести до его сведения конкретные факты, свидетельствующие о том, что Кольцов охотится за компроматом. Тогда Пол занервничает, агенты российской разведки, находящиеся в его окружении, узнают, где хранится компромат, и получают возможность выкрасть его.

В действительности человек из Москвы будет обработан британскими спецслужбами по плану Димы, и вместо того, чтобы участвовать в краже компромата по плану Горина, он расскажет мировой прессе, что режим Кольцова настолько боится обнародования материалов, компрометирующих президента России, что подослал его убить Пола Вселенного. После такой сенсации Кольцову светит политическая изоляция, а Скотт легко оправдывается перед Гориним, списав неудачу на русского моряка, по уши влюбившегося в очаровательную писательницу Маргариту Смит, не влюбиться в которую просто невозможно, и поэтому решившего изменить Родине и остаться в Англии. Главная задача британских спецслужб – встретить русского моряка-перебежчика по организованному ими самими каналу и провести сенсационную пресс-конференцию.

Дима зажётся, как новогодняя ёлка, – наконец-то появи-

лись реальные перспективы, а Рита стала его палочкой-выручалочкой. План так соответствовал духу авантюризма, который он обожал, что растроганный миллиардер перечислил своей незаменимой помощнице щедрый аванс. Она довольно умно распорядилась средствами, чем окончательно покорила его.

Как известно, во время Второй мировой войны караван PQ-17, – тридцать с лишним внушительных американских и британских кораблей, – понес тяжёлые потери, однако прорвался в порт Мурманска и доставил ценный груз в Советский Союз. Рита выступила автором идеи и главным спонсором создания грандиозного бронзового памятника легендарному каравану. Монумент изготовили ударными темпами, после чего Рита убыла в Россию, чтобы под прикрытием официального мероприятия, – открытия памятника, – тайно согласовать со Скоттом кандидатуру человека из Москвы.

Началась операция под кодовым названием «Тунец», так назвал её Дима, за долгие унылые годы вновь, наконец, испытавший счастье. Вскоре он получил радостное известие от Риты, что Горин проглотил наживку, и она самоотверженно отдаётся ответственному заданию в обществе Скотта. О том, что Пол цинично манипулирует ею, Рита не знала, а он был уверен, что она, даже если узнает, всё равно простит, – в жизни ему всегда везло на понимающих женщин.

Глава первая. Тунец, игрец

*Упрямо лишью всем гнул
И грозных презирал акул,
Спесь виновата, спесь как клеть,
Он, нос задрав, попал вдруг в сеть.*
Владилен Елеонский, Сказка о спесивом тунце

1

Лысеющий замполит бригады подводных лодок, похожий на пузатый графин с массивной ручкой, в роли которой выступала внушительная жирная складка на шее, упёрся локтем в бумажную кипу, напоминавшую огромную жабу, раздавленную прямо на столе. Его одутловатое лицо выглядело нездоровым, как у человека, имеющего серьёзные проблемы с желчным пузырём, а чёрные как смоль усы постоянно топорщились, словно он их так специально зачёсывал.

Надо сказать, что с недавних пор замполит развил бурную деятельность, рассчитывая получить тёплую должность и перебраться в Москву. Теперь он неустанно следил за генеральной президентской линией, суть которой каждый день чётко оглашалась с телеэкрана, и фильтровал офицеров-подводников по принципу «свой-чужой», исходя из того, как они понимают задачи, поставленные перед флотом российской администрацией.

В достаточно длинном списке кандидатов на увольнение первым значился тридцатилетний мичман Александр Петрович Маслов, к которому замполит питал особые чувства, — он его ненавидел. Откуда взялась ненависть, догадаться было несложно. Свеча, горевшая в груди мичмана, которую кто-то зовёт душой, а кто-то блажью, просто выносила мозг. Он относительно недавно прибыл с Тихоокеанского флота, однако за короткое время успел довести буквально до белого каления. У боцмана с Икс пятьсот третьей было много достоинств, однако всё портила проклятая свеча. Замполит кожей чувствовал её в каждом офицере и спешил мигом задуть, а если не получалось, тогда одиозное имя с чувством выполненного долга вносилось в этот самый список — заветный трамплин в Москву.

Недавно Маслов послал его куда подальше, когда он зашёл с ним очередную сентенциозную беседу, и этот случай явился последней каплей. Замполит взял в руки пульт и живо представил, что это не пульт, а непутёвый Маслов. Как средневековый палач свой остро отточенный топор, он решительно занёс над бордовой кнопкой Off пухлую подушечку большого пальца, словно эта пластмассовая кнопка была не кнопкой вовсе, а лобастой головой надоевшего до смерти мичмана, недавно, кстати, плюс ко всем своим художествам, кажется, закрутившего сладкие шуры-муры со смазливой секретаршей из приёмной комдива.

Вдруг картинка сменилась, диктор произнёс фразу, кото-

рая пробила череп подобно кайлу:

– Сегодня в Мурманске открыт памятник конвою РQ-17, – и замполит поспешно отдёрунул палец.

Замелькали кадры репортажа, – на общем плане, оцетившись стрелами грузовых кранов, вырос порт Мурманска, затем показались угловатые очертания мемориала защитникам Заполярья «Зенитка» с устремлённым в небо пушечным дулом, неподалёку от которого возле таинственного огромного объекта, тщательно укутанного бежевым покрывалом, суетились монтажники в оранжевых жилетах и касках.

В следующий миг их заслонила симпатичная молодая женщина в элегантном светлом английском плаще, её роскошные каштановые волосы были крепко стянуты на затылке. Фигурой она была похожа на гимнастку, а к спортивной стати прибавлялись незабываемый прямой взгляд карих глаз и милые ямочки на нежных, как персик, щеках.

Замполит звучно сглотнул слюну, словно увидел клубнику с вареньем – своё любимое блюдо.

– О, а кто это?

В следующее мгновение он выронил пульт и вскочил, как ошпаренный. Кресло с грохотом уехало из-под жирного за-
да.

Рядом с незнакомкой выросла гигантская фигура какого-то мичмана, его округлое, но не гладкое, какими обычно бывают округлые лица, а крепко помятое лицо, словно этого офицера только полчаса назад подняли на ноги с глубоко-

го похмелья, производило отталкивающее впечатление, которое, впрочем, компенсировали умные серые глаза.

Замполит задохнулся от ярости.

– А это кто?.. Маслов, так твою!.. Ответственнейшее мероприятие, между прочим, и я рекомендовал вовсе не тебя, а мичмана Гусева. Такие средства брошены на кон, и ты хочешь сказать, что ты в доле? О, папа, гляди, что творится!..

Опальный мичман не слышал взбешённого замполита. В этот момент произошло непредвиденное, – белое покрывало зацепилось за что-то и упрямо не желало опадать. Монтажники бестолково дёргали за тонкие бечёвки и, в конце концов, оборвали их.

Маслов не растерялся, схватил багор, который являлся реквизитом памятника, и ловко подцепил им край полога. Покрывало послушно упало, обнажив великолепное бронзовое изваяние носовой части британского сухогруза сороковых годов прошлого столетия.

Присутствующие, – морские офицеры с большими звёздами на погонах и холёные мужчины и женщины в дорогой модной одежде, – дружно зааплодировали. Мичман невозмутимо водрузил багор на место, восстанавливая композицию, и получилось, что все аплодируют вовсе не открытию памятника, а персонально ему.

Наконец, бородатый толстый монтажник важно нажал на кнопку. Военно-морские флаги Российской Федерации и Соединённого Королевства взмыли вверх по впечатляюще-

му флагштоку.

– Памятник открыли британская писательница Маргарита Смит, фигура которой, тем не менее, остаётся неоднозначной для широкой российской публики, и мичман Северного флота Александр Маслов, дед которого погиб, защищая Мурманск, – сказал диктор за кадром.

Потный пухлый палец с силой надавил на кнопку. Диктор поперхнулся на полуслове, и экран, обиженно мигнув, выключился.

Разъярённый замполит заскрежетал зубами.

– Нет, дружок, врётся, я так просто с тебя не слезу!

2

Живые инструменты, в особенности не на шутку разошедшаяся скрипка, зажигали с пол-оборота. Какие-то мужчины горячей южной наружности выскочили из-за столов, увлекая за собой раскрасневшихся от коньяка грудастых белокурых спутниц, однако оркестр, светя из полумрака белоснежными воротничками, совершенно неожиданно заиграл умиротворяющую мелодию. Гостям с юга пришлось вернуться к своим столикам и с новой силой налечь на водку и икру.

Маслов тонко хохотнул, глядя на происходящее, однако Маргарита, облачённая в модное фиолетовое вечернее платье с глубоким почти до ягодиц вырезом на спине, даже бровью не повела. Она, кажется, ушла в мыслях куда-то очень

далеко от оркестра, уютного зала, столика, щедро уставленного закусками, и сцены, на которую в этот самый момент, покачивая гуттаперчевыми бёдрами, выскочила ярко накрашенная танцовщица, и представление продолжилось.

Он жестом указал на стакан с водкой. Она отрицательно качнула головой.

– Постельный режим? – сказал он и снова хохотнул своим неподражаемым подобием смеха. – Эх, девушка, вы в Россию приехали. Очнитесь!

– Я не пью, Саша.

– У вас, кажется, прабабка была русская. Что-то не похоже.

– Моя прабабка за всю жизнь даже каплю спиртного в рот не взяла.

– Она вам с того света поведала?

– Почему с того света? Она жива и здорова, ей сто три года. Я лучше брусничный морс выпью.

– Одному, значит, пить, и на кого в таком случае я похож?

– Вы похожи на одного забавного тунца, хотите, расскажу?

– Нравоучительную басню?

– Может быть.

– Валяйте.

– Тунец всех спесью гнул, в свой жёсткий ус не дул, его не одолеть, но притаилась сеть.

– Хм, просто вы меня совсем не знаете, Рита. Я пью да знаю меру, и не спесь у меня, а доброе довольство жизнью.

Я не люблю, когда постоянно пугают – дома, в детском садике, школе, армии, институте и на работе. Страшают новости по телевизору, тёща по телефону, агрессивные мужики в подворотне, сшибающие копейку на бутылку, нахальные попрошайки у церкви и дерзкие цыганки в электричке. Не люблю! Я обожаю, когда весело, а не тогда, когда должно быть весело. Я никого никогда не боялся, ничего никому не навязываю, однако кое-кого с встопорщенными усами почему-то это крепко бесит. Одним словом, его проблемы, у меня проблем нет!

– Саша, по-моему, вы слишком самоуверенны.

– Я понимаю, акула может проглотить, только худо той разбойнице будет, стану я ей ежом в желудке, и околет она. Вот такая вам сказка на ночь, милая девочка. Давайте пить, наконец!

Она посмотрела на него так, как женщины обычно смотрят на окончательно зарвавшихся мужчин-хвастунов, её глаза потускнели, а лицо, в котором за минуту до этого теплилось искреннее чувство, посерело.

– Теперь я понимаю, почему от вас жена ушла.

Мичман озадаченно вскинул свои густые белёсые брови.

– Хм, ёлы-палы, и откуда женщины всё знают?!

Не дождавшись ответа, он лихо осушил стакан и вновь наполнил его до краёв. Светлое лицо моряка вдруг сделалось ядовито-свекольным.

Она строго нахмурила брови.

– Не пейте больше.

Он расплылся в самодовольной улыбке.

– Брось читать мне мораль, лапочка, я сам знаю, что делать. Думал грешным делом, что сегодня у нас с тобой что-нибудь склеится, а теперь вижу, – в постели мы с тобой выглядели бы как морж и цыплёнок. Смешно, честное слово!

3

Неподалеку от пары, с таким замечательным взаимопониманием открывшей сегодня памятник героическому конвою, а теперь, кажется, погрузившейся на дно полного взаимонепонимания, сидели два каких-то не совсем обычных гостя.

Один с внешностью мастера восточных единоборств был довольно шупл, однако какая-то скрытая сила бугрила его поджарое тело, натягивая чёрный строгий костюм и буквально врезая узел галстука в шею. Именно мастера восточных единоборств часто отличаются интеллигентностью, они выглядят, как сотрудники дома культуры, вводя в заблуждение тех, кому «посчастливилось» открыть их физические возможности, по неосторожности затеяв ссору. Увесистые швейцарские наручные часы не соответствовали образу скромного культурного работника, зато они, как негласный знак, указывали сведущему человеку, что с этим парнем лучше не связываться. Проницательные глаза существенно дополняли портрет, и благодаря их шарму его совсем не пор-

тила редкая, словно небрежно выстриженная шевелюра.

Рядом с ним расположился персонаж, похожий на учёного-физика, по рассеянности перепутавшего вход в ночной клуб с дверью ядерной лаборатории. Даже в сидячем положении он казался очень длинным. Его всклокоченные волосы, словно они никогда не знали расчёски, глупые очки с невероятно толстыми телескопными линзами, потёртые до невозможности джинсы и заметно засаленный по краям свитер усиливали комичный образ.

Если бы случайный наблюдатель узнал, что перед ним сидят вовсе не сотрудник дома культуры, а личный помощник президента Российской Федерации по текущим организационным вопросам Аркадий Горин и вовсе не физик-ядерщик, а старший помощник военно-морского атташе Великобритании в России Мэтью Скотт, то, скорее всего, разразился бы саркастическим смехом.

Эксклюзивная бутылка виски, изготовленная в виде башни британского парламента Биг-Бен, величаво возвышалась на столе, подле неё стоял приземистый стакан, на четверть наполненный, судя по всему, жидкостью из бутылки, а рядом с ним замер высокий изящный бокал для коктейлей с только что выжатым апельсиновым соком.

Мужчины, кажется, затаив дыхание, неотрывно следили за тем, как артистка медленно избавляется от смешного розового лифчика, больше похожего на детский лоскут для куклы, однако их губы шевелились.

– Всё готово, Мэтью.

– А кто «тунец»?

Танцовщица обнажила, наконец, искусно подтянутую грудь с упругими коричневыми сосками, однако в этот миг на сцену вывалился разгорячённый Маслов, и она застыла на месте, изумлённо приоткрыв густо покрашенный рот. Скрипка испуганно взвизгнула, и воцарилась мёртвая тишина.

Ещё несколько минут назад он был в отутюженной форме мичмана, теперь же измочаленные форменные брюки и рубашка висели мешком, а галстук съехал на живот. В руке, больше напоминавшей медвежью лапу, плескался стакан с прозрачной жидкостью.

Одним коротким движением он сгрёб танцовщицу в охапку.

– Люди, ёлы-палы, хорошо-то как, а?!

Сосуд в руке дрогнул, словно внезапно началась морская качка, и пахучая жидкость щедро омыла соски. Мичман осторожно поднёс край стакана к покрашенным губам, словно танцовщица вдруг превратилась в младенца, и он решил напоить его материнским молоком.

– За русский подводный флот, есть флот, есть Россия, пей!

Сценический лоск мгновенно слез с артистки, и вместо зажигательной танцовщицы перед зрителями предстала жалкая провинциальная девочка.

– Пей, лапочка, не капризничай!

Она глотнула, страшно выпучила глаза, закашлялась и бросилась за кулисы, а на сцену вылетели два плечистых охранника и выбили сосуд из его руки. Расплёскивая горячительную жидкость, стакан с грохотом покатился по твёрдой гладкой сцене. Громилы навалились на него, а он неожиданно легко отбросил их от себя, словно какая-то незримая пружина сработала на отдачу.

– Не, не угадали!

Один из охранников выставил мощный кулак, целя в грудь, однако разухабистый мичман вовремя взял кисть на излом. Противник как поросёнок тонко хрюкнул от боли и беспомощно рухнул на колени. Тем временем другой подкрался сбоку и совершенно неожиданно ударил кастетом.

Раздался противный чавкающий звук. Моряк упал, как подкошенный, а сцена вздрогнула так, словно началось землетрясение.

Дирижёр оркестра, как видно, попался с юмором. Его палочка призывно взмахнула в полумраке, и оркестр, мгновенно сориентировавшись, вновь заиграл умиротворяющую мелодию.

Охранники поволокли мичмана прочь, его голова болталась в такт тяжёлым шагам тащивших его вышибал, а из-за столика у сцены поднялась тень Риты. Он с трудом приподнял голову, она увидела его густо измазанное кровью лицо и испуганно прикрыла рот ладонями.

Скотт едва заметно шевельнул губами.

– Вот он, «тунец», ты только что видел, как ему выбили зубы.

– Хм, а зачем ему выбили зубы?

– Какая драка без выбитых зубов! А у него должна быть репутация задиры и драчуна, верно?

Горин с чувством поднял большой палец вверх, однако со стороны казалось, что он выразил одобрение работе секьюрити клуба, а вовсе не словам собеседника, который тем временем с блуждающей улыбкой на устах сделал малюсенький глоток из своего стакана с виски.

4

Маслов в форме, но без фуражки вышел из серого унылого здания. Во дворе стояли и лениво курили два патрульных полицейских. Рядом с ними сидела служебная собака – матёрая восточноевропейская овчарка с рыжими подпалинами, чёрной мордой и налитыми кровью глазами.

Увидев его, – небритого, помятого, – полицейские, как бы невзначай отпустили овчарку, решив, как видно, немного развлечься после нудного ночного дежурства. Он небрежно кивнул им и хотел пройти мимо, однако в следующий миг грозный пёс с недовольным урчанием преградил дорогу.

Моряк сел на корточки и улыбнулся беззубым ртом.

– Фто, бфатишка, фак слуфба?

Собака испытующе посмотрела на него и вдруг по-ще-

нячьи завилыля хвостом, как будто забыла, что давно стала взрослой. Он погладил её по холке, она присела рядом, и он достал из врезного кармана форменной тужурки плоское печенье, упакованное в плотную обёртку, – всё, что осталось от богато накрытого стола в ночном клубе.

– У меня фля фебя кое-фто есфть.

Овчарка заинтересованно шевельнула влажным носом. Он разорвал обёртку, вынул печенье, его половинка мгновенно исчезла в пасти, а чуткий нос потянулся ко второй половине, однако он вовремя кинул её себе в рот.

– Не, ёлы-фалы, дафай по-бфатски!

Она, взвизгнув, умилительно переступила лапами, как видно, не желая делиться.

– Ах, Саша, – вдруг укоризненно сказал за спиной бархатный женский голос, – не стыдно обижать собаку?

Он резко обернулся, увидел Маргариту, – красивую, стройную, в светлом плаще, – резко выпрямился и недовольно нахмурился. Она подошла к нему и протянула морскую фуражку.

Губы замечательной девушки тронула сердечная улыбка.

– Вот, возьмите, вы в ночном клубе забыли.

Он, демонстративно чавкая печеньем, выдернул фуражку из её рук.

– Шли бы вы, дефущка! Я фнаю, что вы всё подстфоили. Запфет замфолита обошли, на откфытие памяфника мефя фекомендовали, в нофной клуб фавели, там до кифения до-

фели, сейфас из полифии выфволили...

– Да, вызволила. Вас в полиции догола раздели и, раздвинув ягодицы, в задницу заглядывали, готовясь отправить в изолятор с клеймом хулигана. Вы этого хотели?

Мичман недобро поджал губы.

– Чефо вы ко мне пфифепились?

Она пристально смотрела на него и упорно молчала. Он холодно смерил её презрительным взглядом, повернулся и пошёл прочь, – вне всякого сомнения, своими дурацкими загадками она ему смертельно надоела.

Маргарита посмотрела в удаляющуюся широкую спину с грустной улыбкой.

– Давай погадаем! Если обернётся, то у нас с ним всё получится.

Овчарка, подняв уши торчком, внимательно посмотрела вслед мичману, затем тонко тьякнула, как щенок, которого дразнит хозяин, не давая любимую игрушку, однако Маслов не обернулся.

5

Президент Российской Федерации Игорь Кольцов, высокий сероглазый с густой светлой шевелюрой и классическим византийским профилем в идеально белой сорочке и новых чёрных брюках вошёл в кабинет с белоснежным вафельным полотенцем на плече. Он только что прибыл с полигона,

где прошли успешные испытания новейшего психотронного оружия, однако на передышку времени совсем не остаётся, – висит подписание миллиардного контракта с китайцами.

Как любой нормальный человек, Кольцов прекрасно понимал, что авторитаризм и несменяемость власти есть острая палка о двух концах, и всё же был глубоко убеждён, – чтобы выжить в современном мире, вежливая, так сказать, форма диктатуры пока необходима, соответственно необходимы надёжные источники её финансирования. Доходы от сырьевых ресурсов следует жёстко контролировать, чтобы сохранять стабильность, а широкое самоуправление, о котором грезят анархисты и демократы, не позволяет их контролировать. Строительство магистральных газопроводов, километровых мостов через проливы, проведение глобальных спортивных состязаний и другие подобные масштабные проекты способствуют централизованному накоплению резервов. Главное преимущество таких схем – масштаб и легитимность, хотя враги из либерального стана будут, конечно, твердить, что подобные проекты скрывают незаконное обогащение отдельных частных лиц, замещающих ключевые должности.

В действительности никакого криминала здесь нет, поскольку речь идёт о сохранении управляемости, и любой обыватель прекрасно понимает, что разрушить отлаженную схему желают завистники, причём для того, чтобы делать ровно то же самое. Вот почему Кольцов никогда не боял-

ся разговоров о его якобы преступной деятельности и знал, что народ в своей массе боготворит его. Отдельные маргиналы интернетной блогосферы, собирающие с людей средства на «честные выборы» или «революцию», – не в счёт. Все, кто встал на путь сбора компроматов с последующим шантажом, например, Дмитрий Сырых, на самом деле, не имеют реальной силы, являются моськами, лающими на слона, и неизбежно потерпят фиаско.

Он прошёл мимо дубового рабочего стола, нажал невидимую кнопку, и невысокая потайная дверь отворилась, – там прятался небольшой холодильник. Президент достал бутерброд с маслом и сыром и живо откусил кусочек.

В этот момент неожиданно громко заверещал зуммер на пульте связи, Кольцов вздрогнул, бутерброд выскользнул из руки и, сделав захватывающий кульбит, со всего маху шлёпнулся на пол. Чертыхнувшись, президент с лёгкой досадой нажал клавишу.

– Игорь Владимирович, к вам Аркадий, – сказал в динамике густой мужской баритон.

– Пусть заходит.

В кабинет бесшумно, как тень, вплыл Горин, его лицо было покрыто странной серой поволокой.

– Здравствуйте, Игорь Владимирович.

– Привет, Аркаша! Сегодня ты что-то неважно выглядишь.

Горин заметил бутерброд, однако Кольцов опередил по-

мощника, поднял свой завтрак с пола и бережно сдул с него невидимые пылинки.

– Смотри-ка, маслом вверх, а обычно – вниз.

– Давайте выброшу.

– Нет, счастливые бутерброды съедают!

Он сел в кресло у стола, а Горин присел за боковой столик.

– Давай-ка в темпе, что у тебя.

– Дмитрий Сырых гадит.

Кольцов едва не подавился и укоризненно посмотрел на Горина. Дожевав свой завтрак, он промокнул полотенцем слегка промасленные губы.

– Сбежал за границу, огородился особняками, яхтами, банковскими счетами, и что?

Лицо Горина потемнело ещё больше.

– У него серьёзный компромат на вас.

Кольцов мило улыбнулся.

– Капризная кокетка привлекает к себе внимание.

– Игорь Владимирович, он затеял провокацию, и мы найдём способ донести до него, что времена изменились. Теперь его авантюры вызывают раздражение многих людей, среди них есть опасные, оградить от происков которых весьма проблематично. Если прекратит интриги, то пусть возвращается в Россию под вашу защиту, верно?

Президент около минуты сидел, глубоко погружившись в мысли, как видно, вспоминая что-то не очень приятное, затем вдруг поднял озорной взгляд на своего помощника.

– Он мне письма покаянные тайком шлёт и одновременно продолжает вредить, миллиардные газовые контракты пытается сорвать, однако если решит вернуться, приму блудного сына, пусть трудится советником в администрации и ведёт себя соответственно, – без претензий на пост теневого вершителя судеб России. Покажи, что там у тебя!

Кольцов пробежал поданный ему документ, отпечатанный мелким шрифтом на одном листе, и удивлённо приподнял брови.

– О, да у вас здесь целая операция! Человек-то надёжный? Как, не наломает дров в Лондоне?

– Он под прикрытием. Майор контрразведки.

– Послушай, а это не тот, который не так давно отличился, боюсь напутать, Сирия и...

– Кипр.

– А, точно!

– Профессионально на Кипре сработал, когда двурушник расслабился в уютном горном отеле, думая, что задание британцев выполнено. Местная полиция обвинила в аварии сильный туман, который так часто случается в горах Троодоса на Рождество...

– Погоди, а откуда информация о флэшке-дельфине?

– Прослушали разговор адвоката Димы с Бизоном.

– Ого! Бизон будет сильно нервничать, узнав такие новости.

– Пусть! Он, кажется, немного зажирел. Такую публику

полезно держать в тонусе.

– Нет, разъярённый Бизон – это не совсем то, что надо. Сделайте так, чтобы после начала операции Дима оказался у меня в кабинете как можно скорее.

– Сделаем.

– Кто страхует?

– Капитан первого ранга Кузнецов.

– Он в курсе?

– Частично.

– Новейшая субмарина?

– Так точно.

– Работайте аккуратно.

– Хорошо, Игорь Владимирович.

Кольцов помедлил секунду, затем размашисто завизировал документ и мягко отодвинул от себя, словно пуская в свободное плавание на волю судьбы, которая бывает иногда поразительно капризной.

6

Офицерское собрание проходило нудно и вязко, словно затянувшееся путешествие по непролазной трясине. Замполит в отутюженной форме чернел на возвышении за столом, покрытым истёртым зелёным сукном.

В зале как сельди в бочке томились офицеры дивизии подводных лодок Северного флота. Электрическое освещение

не включали, и тусклое октябрьское утро несмело светило сквозь высокие окна, сонно освещая не менее сонные лица.

– Да разве Маслов надёжный человек? – бубнил замполит, словно шаман, читающий заклинание от злых духов. – Маслов, иди сюда, сядь туда!

Мичман поднялся на возвышение и сел на стул, который стоял в углу. Несмотря на то, что на этот раз его форма смотрелась безукоризненно, он выглядел увядшим васильком на осеннем ветру.

В зале вдруг стал нарастать недовольный гул голосов. Замполит поспешно встал и взял в руки лист бумаги с жидко напечатанным текстом.

– Тихо! Мы ставим перед командованием вопрос об увольнении мичмана Маслова из Военно-морского флота Российской Федерации за непристойное поведение.

Несчастный мичман резко вскочил и с испугом посмотрел на замполита.

– Непфистойное? – возмущённо прошепелявил он беззубым ртом. – Эфто фак?

Замполит холодно покосился на свою жертву. Наверное, так волк смотрит на козую, которая будучи схваченной им за горло, всё ещё на что-то надеется и в отчаянии лягает копытом воздух, не в силах, однако, попасть своему убийце в голову.

– А вот так!

В этот момент в зал вошёл адмирал Крошкин, и боль-

шие звёзды на погонах таинственно зажглись в нежном полумраке. Сергей Крошкин имел довольно колоритную внешность, – был высок, статен, обаятелен, улыбчив и в то же время строг. Виски и брови седели у него своеобразно, как будто их местами присыпали сахарной пудрой, а пристальный взгляд глубоких тёмных глаз, кажется, мог свести с ума, словно суперсовременное психотронное оружие.

– Товарищи офицеры! – вытянувшись в струнку, громко сказал замполит.

Офицеры с шумом, как морской шквал, поднялись со своих мест. Крошкин повернулся к залу.

– Товарищи офицеры!

Офицеры уселись на свои места, и вал из голов и плеч, украшенных погонами, исчез так же стремительно, как появился.

– Представляю помощника главнокомандующего Военно-морским флотом России адмирала Крошкина Сергея Петровича! – сказал замполит и подобострастно пододвинул стул, однако высокопоставленный гость отрицательно качнул головой.

– Благодарю, я на минутку. Маслова обсуждаете?

– Так точно, товарищ адмирал.

– Хорошо, а теперь к делу. Экипажу Икс пятьсот третьей остаться, остальные – свободны!

– Свободны, – скорее машинально, чем повинуюсь требованию устава, сказал обескураженный замполит.

Офицеры с шумным вздохом облегчения дружно поднялись с мест и мигом освободили зал. В креслах остались сидеть два десятка человек, их ещё минуту назад сонные лица заметно приободрились.

Крошкин достал из кармана узкую бумажную полоску.

– Оглашаю приказ главнокомандующего ВМФ России: «Экипажу Икс пятьсот три действовать по варианту Бета». – Он окинул притихший зал строгим взглядом. – Почему сидим?

Офицеры с грохотом ринулись из зала. Кто-то поспешно приглаживал встопорщившийся на макушке клочок волос, кто-то на ходу застёгивал форменную тужурку, кто-то впопыхах наступил впереди бегущему на задник ботинка, однако никто не обмолвился ни единым словом, даже тот, кому наступили на пятку.

Маслов вскочил, чтобы тоже бежать, однако замполит, предвидя его горячее стремление, успел схватить свою жертву за рукав.

– Товарищ адмирал, вот, полюбуйтесь, тот самый, я докладывал, – мичман Маслов Александр Петрович, пьяница с зубами выбитыми. Разве его можно отправлять в поход?

Крошкин вдруг приблизил свои глаза-оливки к глазкам-буравчикам замполита.

– Сейчас сколько времени?

Замполит буквально остолбенел, и его усы мгновенно сникли. Он тупо уставился на свои японские наручные часы,

не в силах вымолвить ни слова.

Адмирал повернулся к Маслову.

– Протезист-стоматолог только что прибыл из Москвы и ждёт вас на приём. Имейте в виду, мичман, к понедельнику ваши зубы должны быть как новые. Бегом марш!

Маслов обрадовано кивнул, решительно вырвал локоть из онемевшей от неожиданного поворота руки замполита и мгновенно испарился в тёмном проёме распахнутых дверей, как будто опасаясь, что адмирал передумает.

– Товарищ адмирал, – по лицу замполита побежали багровые пятна, – моральный облик Маслова, – с женой не живёт, к женщинам относится легкомысленно, – и я настаиваю...

– Пойдёмте в буфет, Станислав, извините, забыл ваше отчество. Хочу горячего чаю!

7

Влажный после дождя теннисный корт, мягко освещаемый лучами только что проглянувшего сквозь тучи чуть тёплого лондонского солнца, серебрился искусственным покрытием так таинственно, словно не кортом был вовсе, а застеклённым окном, скрывающим мир сплошных загадок. Два джентльмена в белоснежных шортах и майках с ракетками в руках старались как можно мудрёнее запустить мяч на половину соперника.

Никакого таинственного окна они, как видно, не заме-

чали. Нельзя сказать, что игроки были лишены воображения, однако работало оно у них в довольно узком направлении, – ввести в заблуждение соперника. Такое кредо помогало не только в теннисной игре.

Пол Вселенный, он же Дмитрий Сырых, издали обращал на себя внимание своей необычайно крупной комплекцией, – был высок, плечист и одновременно рыхл, как перекормленный сенбернар. Колорит усиливала крупная голова сорокалетнего мужчины с вьющейся как у известного музыканта-скрипача чёрной шевелюрой, однако лицо слишком явно напоминало крупную собачью морду, поэтому производило отталкивающее впечатление, а тяжёлые, будто налившиеся чугуном глаза вполне могли испугать, если бы он вдруг вздумал подойти к какой-нибудь девушке в тёмной подворотне.

Его оппонент по игровой площадке сэр Ричард Хантер, якобы представитель штаба Королевских военно-морских сил, а на самом деле майор британской разведки Joint Intelligence Committee или сокращённо JIC, казался ровесником Пола. Он был тоже высок и плечист, однако не грузен и тяжёл, а поджар и сух, как породистая гончая.

Такое же крупное как у Пола лицо имело, однако, не усечённый, а выступающий далеко вперёд профиль, и глаза не выкатывались, а сидели глубоко в глазницах, глядя оттуда, как сквозь прорезь рыцарского шлема. Бугристый череп, тщательно выскобленный бритвой, тускло светился оловом.

Пол легко порхал по корту, словно мотыль. Хантер, напротив, двигался неловко, вдруг майор удачно парировал очередной мяч, и он белоснежным ужом скользнул через сетку. Пол не успел среагировать и с досадой зашвырнул ракетку в угол, настроение у него мгновенно испортилось. Хантер сел на лавочку, приставленную к ограждению, взял термос, отвинтил крышку, налил в неё дымящийся кофе и с удовольствием сделал глоток.

Его раздосадованный оппонент по игре рухнул рядом и обтёр взмокшее лицо свежим полотенцем.

– Ричард, осень моя золотая, если бы ты точно так же уделал Кольцова, я соорудил бы тебе памятник на Трафальгарской площади!

Хантер оторвался от кофе и подтянул ноги к себе. Впечатляющие волосатые худые колени выросли перед самым носом его дёрганного, как подросток, собеседника.

– Всё хорошо, мой дорогой друг. К чему так волноваться?

Пол резко вскочил и забегал туда-сюда с лицом, искажённым болезненной гримасой.

– Ричард, ты не понимаешь. Игорь Кольцов тянет руку к спуску!

– Какому ещё спуску?

– Унитаз!

Хантер миг смотрел с недоумением, затем раскрыл рот, вытянул его вверх, словно вдруг решил проглотить солнце, и оглушительно расхохотался. Пол прекратил бегать и уко-

ризенно уставился на собеседника.

– Чего ржёшь, спецура? Плакали мои миллиарды! Кольцов разденет догола, а затем...

– Послушай, Пол, Марго рекомендовала мне тебя как чрезвычайно выдержанного джентльмена, а Кольцов, судя по всему, не такой страшный, каким иногда кажется. Совсем скоро твой человек прибудет по нашему каналу связи, в котором тунцовая сеть играет довольно заметную роль. Всё хорошо!

Пол выхватил термос из крепкой руки майора и стал жадно пить прямо из горлышка, словно вконец обессиленный путник, внезапно нашедший воду в сердце алжирской пустыни. Наконец, кофе закончился.

– Слушай, давай выйдем на моей новой яхте, она записана на Анзора, а Анзор, ты знаешь, здесь под другим именем. О'кей?

– О'кей, Пол.

– Когда в море?

– Мой человек даст отмашку.

Погружённая в таинственный полумрак спальня напоминала уютную берлогу средневекового английского феодала, – тесную, с единственным узким решётчатым окном и в то же время с высокими сводчатыми потолками. Правда,

огромная королевская кровать, занявшая почти всю комнату, была без балдахина. Здесь раз в неделю на конспиративной квартире Хантер встречался со своим лучшим агентом.

Вспыхнул ночной светильник в виде хрустальной крысы. Рита отпустила шёлковый крысиный хвост, откинула одеяло, и поднялась с постели, – впечатляющая, как богиня. Свет падал так, что одна половина её точёного тела казалась оранжевой, а другая – чёрной.

Она накинула на плечи бархатный халат и направилась к выходу.

– Я в душ!

Волосатая рука потянулась к прикроватной тумбочке, взяла из пепельницы наполовину выкуренную сигару, ушла в полумрак, затем снова вернулась, теперь без сигары, захватила пальцами зажигалку и опять скрылась в полумраке.

Синим пламенем клацнул затвор зажигалки, в следующий миг романтично вспыхнул красноватый огонёк сигары, а ещё через секунду вдруг щёлкнул выключатель, на который нажала Рита. Спальню озарил яркий верхний свет. Хрустальная крыса мгновенно поблёлкла. Едва прикрытый одеялом Хантер потёр поджарую волосатую грудь плоской, как пенал, ладонью и с явным наслаждением выпустил изо рта кольцо сизого дыма.

– Ты всё поняла?

Она нахмурилась.

– Послушай, Рич, отрывать меня от члена британского

парламента – верх глупости!

– Ты упрямо толкаешь бёдрами не в ту сторону, Марго! Я винтик в системе, меня провернули и поставили в положение, я провернул и поставил тебя в положение, теперь твоя очередь поставить своего похотливого лорда на четвереньки. Успокой его, скажи, что у тебя срочная работа по написанию очередного опуса для очередного сумасшедшего русского олигарха.

– Ах, Рич, многие мужики позавидовали бы твоей работе, если бы знали о ней, однако, увы, твоя работа в основном спрятана под одеялом!

С этими словами, в каждом из которых сочился яд женского сарказма, она вышла из спальни и с чувством праведного возмущения громко хлопнула дверью. Он безучастно почесал наголо бритую голову указательным и средним пальцами, между которыми по-прежнему торчала зажжённая сигара.

Похоже, Хантер давно привык к безобидным вспышкам своей секретной сотрудницы. Маленький недостаток с лихвой компенсировался умением контактировать с нужными людьми и редкой способностью снимать напряжение, неделями копящееся на столь неблагодарной работе, когда никакого времени на личную жизнь просто не остаётся. Дверь резко распахнулась, и он, оторвавшись от невесёлых мыслей, лениво повёл воспалённым глазом вбок.

Она, готовясь принять душ, сдёрнула пояс, и из-под раз-

двинувшегося халата брызнули прелести.

– Рич, а на яхте что делать?

– Только наблюдать, в постель не лезь.

Она снова с шумом раздражённо захлопнула дверь с той стороны. Он уставился в пространство пустыми глазами. Дверь снова распахнулась, и он скривил рот от досады.

– Марго, хватит паясничать! Через сорок минут я должен быть у адмирала Керри. Освободи душ немедленно!

Однако на этот раз вошла не Маргарита, а милый курчавый спаниель с тапочками Хантера в зубах. Он ткнул ими в его голую пятку с татуировкой паука, умилительно прося таким образом вывести на улицу, однако майор грубо отпихнул милое существо ногой.

– Пошёл вон отсюда, пока я лёгкие тебе не отбил...

9

В кабинете адмирала Керри, нежно освещаемом утренним лондонским солнцем, было так же красиво, как в цветочной оранжерее. Слева от массивного орехового рабочего стола светилось окно, прикрытое полупрозрачными шторами бежевого цвета, который, кажется, господствовал во всей обстановке. Именно это окно было главной адмиральской отдушиной в серых разведывательных буднях.

Целая коллекция розовых маргариток в горшках, обмотанных золотистой материей и обвязанных смешными деко-

ративными верёвочками, гордо выстроилась в ряд на просторном подоконнике. Соседнее здание давало тень, от стекла тянуло лёгкой октябрьской прохладой, и ненаглядным питомицам хозяина кабинета здесь было довольно-таки комфортно.

Керри, худой и прямой, как оглобля, седовласый адмирал с бесцветными глазами глубокого пенсионера, все мысли которого теперь лишь о саде и внуках, на самом деле знал толк не только в цветах. Всё же форма Королевских военно-морских сил, хоть и была идеально подогнана к его угловатой фигуре, тем не менее, выглядела нелепо, – домашний халат смотрелся бы более органично.

Он отошёл от окна и расположился в углу софы у столика, на котором белели две чашки, наполненные аппетитно пахнущим чёрным кофе. В кресло напротив сел Хантер, он был в форме майора Королевских Военно-морских сил и выглядел настоящим красавцем. Кажется, в обществе адмирала он чувствовал себя по-родственному и небрежно закинул ногу на ногу.

Разговор шёл спокойно до того момента, пока Хантер не произнёс фразу, которая насторожила старого морского волка.

– Компромат на президента России помещён моим агентом в зуб русского моряка-подводника.

– Хм, а ты, в самом деле, всё хорошо продумал, ребёнок?

– Судите сами, сэр. Мы получаем заветный компромат

на зарвавшегося Кольцова и после жёсткого заявления русского военного моряка-перебежчика выставляем прогнивший российский режим на посмешище. Кольцов становится нурукопожатным главой государства.

Хантер говорил весомо и уверенно, однако его слова не произвели впечатления на собеседника. Керри взял в руку чашку, Хантер, словно по команде, сделал то же самое. Адмирал поднёс край чашки к тонким сиреневым губам, однако не стал пить, – резко качнул головой.

– Затея с зубом кажется экстравагантной!

– Разве кто-то подумает, что выбитые и вставленные зубы имеют какое-то значение?

– Скотт сильно рискует, к чему бы это? Обычно так ведут себя, когда имеют двойную крышу.

– Не думаю, что здесь, в самом деле, имеется какой-то риск, а Скотт не таков, чтобы играть на двух столах. Русская субмарина отправляется в заданный квадрат и на заданную глубину, остальное – дело техники.

Хантер невозмутимо глотнул из чашечки, в то время как Керри продолжал держать свой кофе у рта. Высокопоставленный старикан пристально смотрел на своего спокойного, как удав, подчинённого, а тот с холодной улыбкой смотрел в ответ.

– Безумно вкусно, сэр!

– Сам заваривал. – Керри сделал, наконец, малюсенький глоток. – О'кей, ребёнок, миссия ответственная, действуй,

мальчик, и будь осторожен, пожалуйста, я тебя знаю.

– Есть, сэр!

Взгляд старого адмирала снова переместился на подоконник. В крайнем горшке маргаритка, та, что слева, кажется, чуть сникла, надо бы подкормить.

10

Сегодня бассейн в распоряжении двух человек, что, впрочем, неудивительно, если учесть, что великолепный водоём оборудован на яхте, владельцем которой является Пол Вселенный. Вот уже несколько дней у него гостит Маргарита Смит. Время надо как-то убить, – человек из Москвы задерживается с прибытием, и большую часть своего досуга они проводят здесь.

Полу чрезвычайно комфортно рядом с очаровательным автором его книг. Волосатый, как орангутанг, он бросился за Ритой, а она, что есть духу, понеслась прочь в сиреневом бикини, едва скрывающим интимные части её впечатляющего тела. Он с трудом догнал необыкновенно спортивную писательницу и, едва дотянувшись пальцами, всё-таки сумел толкнуть её в лопатку. Она поскользнулась на мокрой плитке, потеряла равновесие и рухнула в голубую воду.

Видимо, услышав шум, в зал вошёл Жеребцов, – типаж, достойный обложки таблоидов о жизни звёзд и их телохранителей. Если бы Квазимодо имел рост под два метра, то-

гда бы Жеребцов был похож на него. Если бы он к тому же обладал выбритым до синевы черепом, и если бы у него была походка балерины, а плечи штангиста, тогда бы Жеребцов слишком сильно напоминал его. И, наконец, если бы он был плотен, словно вылит из меди, и, кроме этого, имел наряду с пронзающими насквозь жёлтыми горящими глазами леопарда лошадиные губы и кабанью шею, то можно было подумать, что в зал вошёл именно он, Квазимодо, – настолько отталкивающими были его лицо и горбатая фигура.

Просторный чёрный строгий английский костюм сидел на чрезвычайно плотном охраннике, как костюм аквалангиста. Он так облегал его необъятное тело, что, казалось, пуговица, на которую застёгнут пиджак, вот-вот оборвётся и шальной пулей улетит в неизвестном направлении.

– Пол, кони-лошади, ты в порядке?

– Серёга, лошадь ты моя важная, всё о'кей!

– Она ещё долго будет здесь?

– Долго, Серёга, долго.

– Послушай, Пол!..

– Иди, Серёга, лесом!

Жеребцов с недовольным видом покорно вышел. Рита, опрокинувшись на спину, расхохоталась и завлекательно вытянула на воде ноги, которым, наверное, позавидовала бы даже морская нимфа. Пол прыгнул в бассейн с такой силой, что вода хлынула через бортик. Когда он вынырнул, тараша красные глаза, она схватила его за руки, перевернула на спи-

ну и стала катать по всему бассейну. Он прикрыл массивные веки, через минуту приподнял их и, повернув голову, посмотрел на писательницу помутившимся от удовольствия взором.

– Ритка, радость моя, с недавних пор мне казалось, что я скоро умру, однако с тобой все чёрные мысли ушли, как будто испарились!

11

Гирляндами новогодней ёлки мигают лампочки на компактном эргономичном пульте управления. Размеренно и негромко попискивает зуммер. Обстановка дышит умиротворением и клонит в сон. Если бы не чёрный столб перископа, торчавший в середине помещения, можно было бы подумать, что здесь не боевая рубка разведывательной дизельной субмарины, а физическая лаборатория.

Икс пятьсот третья под командованием капитана первого ранга Кузнецова – новейшее воплощение российской конструкторской мысли. Сегодня, шестнадцатого октября N-ного года, она курсирует в Английском канале с задачей наблюдения за британским побережьем, возле которого недавно проявилась активность, – началось строительство нового аэропорта в море, в трёх милях от берега. Бесшумность уникальной субмарины позволяет смело проходить в непосредственной близости от боевых кораблей и приборов сле-

жения, щедро разбросанных по всем морям и океанам, обнаружить её присутствие практически невозможно, и пусть Кондолиза Райс говорит, что угодно.

Кузнецов, аккуратно подстриженный коренастый блондин лет пятидесяти с ясными очами цвета аквамарин пребывал в благодушном настроении, – с Большой земли передали, что у него родилась внучка. Старший помощник, худощавый курчавый брюнет с высоким покатым лбом щурил усталые чёрные глаза и, как видно, не разделял настроение командира. Приборы наблюдения не радовали информацией, а игра в прятки, похоже, не была его любимой детской забавой.

Кузнецов склонился к микрофону.

– Внимание, экипаж, сегодня у матроса Петрова, картина маслом, день рождения. Поздравляем и готовимся к праздничному ужину!

Командир отключил переговорное устройство, пролистал вахтенный журнал, дошёл до самой крайней записи, поставил крупную размашистую подпись, положил химический карандаш и взял в руку подстаканник со стаканом, наполненным густым пахучим краснодарским чаем.

Старпом оторвался от приборов, взял с подноса, стоявшего на передвижной тележке, овсяной пряник, откусил от него кусочек и стал сосредоточенно жевать.

– Товарищ командир, мы на границе территориальных вод княжества Силенд.

– Что-то смущает?

Кузнецов, терпеливо ожидая ответ, с наслаждением отхлебнул горячий чай. Старпом, кажется, наконец, подобрал нужные слова.

– Каковы перспективы княжества Силенд? Как ни крути, на самом деле оно является бесхозной зенитно-артиллерийской платформой. В тысяча девятьсот сорок втором году по проекту инженера Маунселла англичане их много построили в море, назвали фортами Маунселла, однако именно эта платформа на беду или счастье оказалась за пределами территориальных вод, и после войны её не стали демонтировать...

– Товарищ командир, шумы, – вдруг сказал в динамике голос акустика. – По характеристикам – прогулочная яхта. Дистанция – два километра. Похоже, курсирует.

– Продолжайте наблюдение, – сказал Кузнецов и, отключив микрофон, повернулся к старпому. – Вы, как видно, интересовались историей княжества, а я знаю о нём совсем немного. Расскажите-ка подробнее!

– В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году отставной британский морской пехотинец захватил эту бесхозную артиллерийскую платформу и провозгласил государство – княжество Силенд. Что здесь началось! Развернулось настоящее сражение за форт с реальной стрельбой, однако английский суд объявил платформу вне юрисдикции Великобритании, и на этом столкновение закончилось.

– Почему вас заинтересовала эта история?

– Специально проштудировал её перед выходом в море, узнав, что мы направляемся в этот район.

– Зачем?

– Хочу знать, какие будут юридические последствия, если мы вдруг войдём в территориальные воды этого странного княжества.

Вдруг корпус субмарины сильно вздрогнул и начал заметно вибрировать. Кузнецов нахмурил густые рыжеватые брови и резко отставил стакан.

– Механик, в чем дело?

– Товарищ командир, – обеспокоенно сказал надтреснутый бас из динамика, – лопастями винта что-то зацепили.

– Машина, стоп!

– Есть машина, стоп!

– Вахтенный, продуть балласт, дифферент на нос, дежурного матроса на корму.

– Есть продуть балласт, дифферент на нос, матрос Петров, приготовиться к аварийному выходу через кормовой люк.

– Вахтенный, зачем Петрова поставили на дежурство? У него сегодня день рождения!.. Боцмана на корму.

– Петров готов к выходу, товарищ командир.

– Хорошо, пусть идёт, впереди награда – праздничный пирог.

В закутке ночного клуба спрятался огромный бильярдный стол, на зелёном сукне которого рассыпались замысловатым узором слегка потрескавшиеся желтоватые шары. Приятный рассеянный полумрак дремал вокруг, лишь над столом застыл яркий сноп света.

В закутке никого не было, кроме Горина и Скотта, и они залихватски гоняли шары. Горин, похоже, выигрывал, поскольку количество шаров на столе резко уменьшилось, а он продолжал бить. Вот очередной победный шар снова влетел в лузу, и Скотт широко раскрыл глаза.

– Аркадий, вы меня удивляете. Как можно из такой позиции загнать шар?

– Позвольте удивить вас ещё раз!

В следующий миг ещё один шар влетел в лузу. Скотт с кислой улыбкой отставил кий в сторону.

Горин мило кивнул ему.

– Партия! Я выиграл случайно, Мэтью. Вы не делаете ошибок.

– Ошибки делают все.

– Вы – счастливое исключение!

Скотт заразительно расхохотался. Лет двадцать назад он хохотал точно так же на своём мальчишнике перед неожиданной свалившейся свадьбой, которую друзья-студенты расценили как брак по расчёту, и Мэтью никак не мог доказать им, что дочь высокопоставленного лондонского дипломата

в самом деле влюбилась в него по уши. Его объяснения, что он развлекал её так, как не развлекают клоуны в цирке, никто из друзей не воспринял тогда всерьёз, а зря – теперь у них проблемы в семейной жизни.

Горин с довольным видом отложил кий, а Скотт дружески похлопал его по спине.

– Как поживает наш дорогой «тунец»?

Горин хмыкнул и нарисовал мелом чёткий ровный квадрат на отливающем изумрудом сукне.

– Он внутри.

Скотт посмотрел на художественное изыскание с таким серьёзным видом, как будто увидел прямо перед собой нечто более выдающееся, нежели знаменитый «Чёрный квадрат» Казимира Малевича, затем вежливо взял мел из руки Горина и покрыл геометрическую фигуру крупной сеткой, словно собрался играть в крестики-нолики.

– Тунцовая сеть расставлена.

Горин взял мел из руки Скотта и поставил рядом с покрытым сеткой квадратом громадный восклицательный знак.

– Тащите сеть!

Глава вторая. Тунец почти не виден

*Ах, наш тунец зубаст, не лыс,
Он сеть зубами перегрыз,
Но вдруг течение потянуло,
И хищно тень вдали мелькнула.*
Владилен Елеонский, Сказка о спесивом тунце

1

Вошёл Маслов в костюме аквалангиста и с аварийным топором в руках. Массивный и огромный, он мгновенно превратил командирскую рубку в игрушечное помещение.

Кузнецов поднялся навстречу.

– Вставные зубы на месте?

Боцман в шутку оскалил крупные белоснежные резцы.

– Я ими сеть перегрызу, товарищ командир!

Кузнецов вдруг стал принюхиваться, и улыбка мгновенно сбежала с лица боцмана, он сжался и снова стал похож на того Маслова, который уныло сидел перед офицерским собранием под испепеляющим взглядом замполита.

– Пил?

– Глоток красного вина. А как в сырость идти?

Кузнецов недовольно покачал головой.

– Сопьёшься, богатырь!

Маслов издал свой знаменитый хохоток, а Кузнецов взял

в руки аварийный топор и осторожно провёл ногтем по лезвию, проверяя остроту.

– Как там Петров?

– Откачали, дали разбавленного вина и кусок праздничного пирога, теперь спит. Сегодня в свой день рождения он, можно сказать, второй раз родился. Повезло, что волна не убила.

– Прежде, чем упасть в море, он прокричал в эфир: «Здесь кто-то есть!»

– Привиделось пацану. Волна нехорошая. Болтанка!

Кузнецов вручил боцману аварийный топор и вдруг с чувством обхватил его за широкие литые плечи.

– Переруби проклятую сеть!

– Чего там, ёлы-палы, сделаем.

– Действуй!

Маслов круто развернулся через левое плечо и уверенной медвежьей поступью двинулся к люку, ведущему на корму.

– Маслов!

Боцман остановился, как вкопанный, и резко обернулся.

– Тревожный код «Маргарита», запомни на всякий случай.

Боцман скривился так, словно ему снова выбили зубы.

– «Маргарита»? Почему «Маргарита»?

– Сегодня мою внучку так нарекли.

Полная луна тревожно маячила сквозь разрывы облаков, ночная погодка выдалась, в самом деле, весёлая. По приказу командира корма Икс пятьсот третьей приподнялась над водой, а нос зарылся в волны, которые накатывали непрерывно, словно звери, почуявшие добычу.

Маслова в отливающем серебром лёгком водолазном костюме с аварийным топором в руках и мощным фонарём, прикрепённым ко лбу, можно было легко принять за странное неуклюжее человекообразное морское существо. Он прицепил к поясу трос от спасательной лебедки и проворно спустился по покатоному корпусу к валу винта.

Волна неожиданно окатила с ног до головы, он выругал её так, как ругают назойливую собачонку, и море, кажется, вдруг притихло. Боцман решительно поставил ногу на вал и ударил топором, целя в толстую тунцовую сеть, которую так неудачно намотал винт.

Лезвие соскользнуло, он едва не выронил топор, однако, стиснув зубы, снова принялся рубить. Один удар, второй, третий. Бесплезно! Толстая сеть не поддавалась, а рубить было неудобно, – страховочный трос тянул назад.

– Первый, – сказал Маслов в микрофон, – ослабьте трос, приём!

– Второй, – сказал голос Кузнецова в динамике, – понял тебя, ослабляю, приём.

Лебёдка раздражённо завизжала, так визжит животное,

которому до смерти надоела ночная возня людей, неугомных и до крайности беспокойных. Трос ослаб.

Маслов прицелился и, коротко выдохнув, сильно и точно врезал топором. Лезвие, наконец, зацепилось. Он, поджав губы, ударил снова. Сеть, кажется, поддалась, и он с силой ударил ещё раз. Сеть порвалась!

– Первый, одна лопасть свободна, осталась ещё одна...

В этот миг из пенящейся у кормы воды осторожно высунулся длинный багор, похожий на худое щупальце, он зацепился сзади за край спасательного жилета и дёрнул так, что боцман потерял равновесие.

– Ё... лы-палы!

Маслов неуклюжим моржом рухнул в море. Волна как будто ждала этого момента, она мгновенно подхватила его и мстительно ударила о край лопасти. Фонарь на лбу разбился вдребезги.

Боцман уронил голову на грудь. Волны как опьяневшие от прилива чувств танцовщицы стали кружить вокруг. Из воды высунулись длинные и тупые ножницы по металлу, с хищным щелчком не перекусили, а порвали трос, и обмякшее тело стало стремительно отдаляться от субмарины в пугающую морскую черноту.

Через пару секунд оттуда обеспокоенно затрещал динамик рации.

– Второй, почему молчишь? Приём!.. Второй, слышишь меня? Ответь!.. Почему молчишь? Приём!..

Плотная дымка заслонила луну и звёзды. Продолговатое светлое пятно, больше похожее на огромного морского лебедя, чем на яхту, вздрогнуло и двинулось по волнам.

В ярком свете фонаря мужские тени перебросили Маслова с бота на верхнюю палубу. Лёжа лицом вниз, он открыл глаза и украдкой оглядел столпившихся вокруг крепких парней в чёрных морских робах с металлическими битами в руках.

Вразвалку, попыхивая сигарой, подошёл Хантер в ветровке и рыбацких резиновых сапогах, наклонился, перевернул пленника на спину и бесцеремонно раздвинул пальцами посиневшие от холода губы.

– Зубы на месте, – удовлетворённо сказал он по-английски. – В трюм его!

Хантер ушёл, а парни схватили Маслова под руки и живо поволокли к центральному люку. Он окончательно пришёл в себя. Похоже, его тащат вдоль фальшборта, который тянется с левой стороны, а справа идут иллюминаторы просторных кают-спален класса люкс.

Боцман встал на ноги и ударил локтем в челюсть парню слева, тот мотнул головой и упал. Того, что был справа, он толкнул так, что тот ударился спиной о борт и, оглушённый, безвольно сполз вниз. Сзади третий крепыш замахнулся би-

той. Мощным ударом ноги в живот Маслов отправил противника в нокдаун и скрылся в тени палубной надстройки.

Ночная мгла продолжала сгущаться, и сырость пробирала до самых костей даже в костюме аквалангиста. Плотно прижавшись спиной к обшивке, он крался, ища радиорубку. Благополучно завернув за угол, боцман вдруг наткнулся на иллюминатор, который был распахнут настежь, и яркий луч света, косо падавший из него на палубу, мешал пройти незаметно.

Маслов в нерешительности замер на месте. Из сияющего электричеством зева тянуло домашним уютom и теплом.

Вдруг послышались тихие голоса. Мужской баритон казался взвинченным, а женский голос хранил ироничное спокойствие.

Боцман осторожно заглянул внутрь, там колыхались ярко-оранжевые воздушные занавески. Волнуемые сквозняком, они периодически распахивались и открывали взору роскошное внутреннее убранство.

Он с удивлением заметил, что в каюте, отделанной под дуб, на расстеленной широкой белоснежной кровати сидела та самая Маргарита, достаточно известная английская писательница русского происхождения, с которой они так душевно открыли миру памятник конвою PQ-17. Маслов не смог произвести на девушку должного впечатления, напился с горя, затем произошла драка. Непонятно было только, зачем она вызволила его из полиции, дело не стали передавать

флотским властям, и как замполит ни бился, «телега» к комдиву не пришла.

Мысли вдруг пчёлами в растревоженном улье загудели в голове, и ему стало не по себе. Как связана фешенебельная прогулочная яхта с Маргаритой?

Тем временем она спокойно сидела на постели в лёгком халатике, под которым из одежды, кажется, больше ничего не было. Рядом с ней стоял, как Геракл на отдыхе, огромного роста полуобнажённый курчавый брюнет, нижняя часть его массивного тела была обмотана алым полотенцем.

Маслов узнал колоритного великана практически сразу. Одно время Дмитрия Сырых почти каждый день показывали по телевизору, ни одна газета не выходила без свежей новости, героем которой был этот деятельный и знающий всё наперёд бизнесмен-миллиардер. Журналисты постоянно намекали на то, что в скором времени именно он сыграет судьбоносную роль в истории многострадальной России, однако скоро подули другие ветры, и Дима бежал в Лондон, – его обвинили в хищении нескольких миллиардов рублей. Великобритания предоставила ему политическое убежище, и началась странная мышинная возня, суть которой Маслов не понял, да, честно говоря, и не горел желанием понять.

Вдруг Пол решительным движением освободил привлекательные плечи Риты от халата. Она удивлённо вскинула брови.

– Я могу раздеться сама.

– Я всего лишь хочу сделать тебе массаж шеи.

– Пол, давай я сделаю тебе массаж бёдер.

– Нет, тебе нужен массаж шеи.

Огромные руки Пола нежно легли на её голые плечи, и по щёкам девушки вдруг пошли странные лиловые пятна, словно у неё началась аллергическая реакция.

– Рита милая, а где флэшка?

– Прости, я не совсем поняла. Какая флэшка?

– Золотая такая, в виде фигурки дельфина.

Его пальцы сжались, затем нехотя разжались. Она опустила ресницы, как будто силясь вспомнить, где флэшка. Он терпеливо ждал.

Наконец, она открыла глаза.

– Не пойму, о чём ты говоришь.

Вдруг он так сжал ей горло, что она поперхнулась.

– Да ты с ума сошёл!

– Ты работаешь не на Рича, ох, не на Рича, нет, не на Рича ты работаешь. Хантер – не твой куратор!

Она вдруг крепко сжала его кисти, ловко освободилась от захвата, вскочила с кровати и раздражённо запихнула прелести в халат.

– Хризантемы в саду, Пол, я пошла спать!

Он вдруг повалил её на постель, халатик распахнулся, открыв голые загорелые бёдра.

– Где флэшка?!..

– Не тронь меня, я буду кричать!

– Кричи! Пусть матросы нам позавидуют.

– Помогите!

4

Маслов рыбкой влетел в каюту в просвет между штор, с грохотом сделал кувырок и вскочил на ноги. Рита испуганно ахнула.

Пол, стоя на кровати на четвереньках, с полотенцем, съевшим с мощных бедёр, обернулся и с изумлением воззрился на неожиданного гостя.

– О... осень моя золотая! А ты кто, альбатрос?

– Тебе, туша, какая разница? А девушке, я смотрю, твои ласки не нравятся.

Пол налился свинцом. Маслов, насвистывая весёлый мотивчик, сорвал с него махровое полотенце, одним ловким движением бывалого моряка скрутил из него кусок каната и с размаху изо всей силы дважды хлестнул по голому заду.

Беглый бизнесмен изогнулся раненой анакондой.

– О, Хантер, о-о!

Боцман для верности ударил ещё раз, – сочно и с оттяжкой. Пол, дико взревев, вдруг проворной камышовой кошкой неожиданно прыгнул на него, однако он вовремя сделал шаг в сторону. Огромная бесформенная туша пролетела мимо, со всего маху врезалась в закрытую дверь каюты, сползла вниз и притихла.

– Пошёл вон отсюда, – вдруг сквозь зубы сказала Рита.

– Ой, как невежливо, сударыня! Вместе бронзовое изваяние открывали, неужели запамятовали? Вам, кажется, не сто три года, как вашей непьющей водку бабушке.

Он сделал вид, что двумя пальцами, указательным и средним, которые, по всей видимости, изображали ножницы, перерезает пополам, словно праздничную ленточку, скрученное полотенце Пола. Она продолжала в напряжённой позе сидеть на кровати. Похоже, что появление Маслова несколько не удивило, более того, оно, кажется, не на шутку её раздосадовало.

Вдруг во взгляде Риты мелькнуло что-то хищное, и он растерянно улыбнулся. В этот момент ветер стих, воздушная занавеска опала, открыв взору небольшую тележку, уставленную огромными золотистыми эклерами, между которыми возвышалось ведёрко со льдом, а из него торчало горлышко откупоренной бутылки шампанского.

В следующий миг игристое вино с шипением лилось в его горло, а ещё через мгновение он, по-хозяйски рассевшись на постели, с аппетитом жевал пирожное. Она, подобрав под себя ноги, смотрела на него так, словно он в своём лёгком водолазном костюме был на самом деле не моряком, а грязным отвратительным морским чудовищем, вползшим к ней в постель.

– А этот бульдог, – намеренно громко чавкая, сказал он и небрежно качнул головой в сторону дебелий туши, продол-

жавшей без чувств валяться у выхода, – я видел его по телевизору. Дмитрий Сырых, верно? Он не так давно сбежал в Англию, какой-то странный псевдоним себе взял, – имя то ли Фол, то ли Тол, а фамилия то ли Вёсельный, то ли Всесильный.

– Пол Вселенный.

– А, точно, Вселенный! Скажи, а как ты здесь оказалась?

– Ричард! – вдруг громко с надрывом сказала она. –

Ричард, помоги...

Маслов, как кит, разом проглотил огромный сладкий кусок и невозмутимо потянулся за следующим эклером. Рита снова громко позвала на помощь.

В каюту вломился Жеребцов. Тяжело дыша, он устался на незваного гостя с пирожным у рта, затем перевёл тяжёлый взгляд на тело, которое, словно голая курчавая мумия библейского великана, неподвижно замерло у порога.

Маслов с улыбкой швырнул эклер в Жеребцова.

– Угощайся!

Телохранитель отбил пирожное ребром ладони. Мичман одобрительно крякнул и поднялся, вытирая сладкий крем с губ. Похоже, он обнаружил перед собой достойного соперника.

Жеребцов перешагнул через длинные ноги Пола, и, не издав ни звука, махнул кулаком-кувалдой. Маслов хладнокровно нанёс упреждающий удар не менее громадным и твёрдым кулаком в челюсть. Телохранитель пошёл юзом

и с оглушительным грохотом завалился за кровать. Рита в ужасе зажала ладонями уши.

В каюту с шумом ворвался Хантер. Маслов развернулся к нему, однако, к несчастью, поскользнулся на пирожном, которое, разбившись всмятку, сиротливо валялось на полу, и удар съехал чуть в сторону. Хантер мощным ответным ударом ноги в живот отправил его в нокаут.

Пол тихо вздохнул, и Хантер склонился над ним.

– Эй, наверху, как, всё о'кей?

– Флэшка, я, кажется, тебя спрашиваю, где ты, – не открывая глаз, едва слышно сказал Пол.

Хантер наклонился ещё ниже.

– Какая к дьяволу флэшка?

Миллиардер приподнял тяжёлые веки, увидел Хантера и кисло поморщился.

– Пень ты британский, – выдохнул он и снова потерял сознание.

Хантер только покачал головой в ответ, выпрямился и настороженно посмотрел на Риту. Она сидела, как мраморное изваяние, по её щекам текли крупные прозрачные слёзы.

– Марго, очнись, пожалуйста.

– Я в порядке. Слушаю тебя!

– Будь так любезна, скажи, «тунец» как здесь очутился?

– Не знаю.

– Вижу, Марго, скучаешь ты по члену парламента. До слёз!

Он вынул из заднего кармана камуфляжных штанов малокалиберный Вальтер и бросил его на развороченную постель. Она с удивлением приподняла брови.

– Зачем он мне?

Хантер мило улыбнулся.

– Для обороны от взбесившихся «тунцов». Прибереги на всякий случай. Если что, стреляй и ничего не бойся. Вальтер меченый. Любой эксперт-криминалист, обнаружив пулю, выпущенную из него, или стреляную гильзу, даст отрицательное заключение. Так что пока этот ствол с тобой, считай, что у тебя есть лицензия на убийство, выданная правительством Её Величества. Главное, «тунец» здесь, а живой или мёртвый, для меня в отличие от Пола не так важно. Я слышал, что русские не предсказуемы, однако не знал, что до такой степени. Человечек из Москвы должен весело глотать с нами пиво, однако он, словно дикий зверь, лезет в драку.

– Дорогой Рич, ситуацию как всегда придётся исправлять мне. Следует вести себя ласково, а ты сразу ногой в пах!

– Знаю я твои ласки.

– Ты имеешь что-то против?

– Просто ты часто увлекаешься не тем, чем следовало бы. Пожалуйста, не забывай главную заповедь разведчика – ничего личного. Пусть пока он остывает, потом займёшься.

Пол снова зашевелился и начал бормотать что-то про флэшку.

– Бог мой, – деланно всплеснув руками, сказал Хантер, – давно пора готовить пресс-конференцию по плану Пола, а «тунец» совершенно сырой! Может, в самом деле, просто заморозим его в трюме, и все дела?

– Не спеши, – сказала Рита, – я сделаю из него великолепное блюдо.

5

В фешенебельной кают-компании, отделанной под крокодилову кожу, Хантер, развалившись на угловом диване, сидел за стеклянным обеденным столом, глотал пиво из ярко раскрашенной жестянки и смотрел телевизор, встроенный в шкаф.

Шла прямая линия с президентом Российской Федерации Игорем Кольцовым. Народ завалил вопросами своего любимца, он, как видно, был в ударе, говорил так просто и душевно, словно сидел на кухне в окружении соседей по коммунальной квартире за сковородой, доверху наполненной пахучими жареными картофельными ломтиками вперемешку с аппетитными золотистыми кусочками крепко прожаренного свиного сала.

– Я не скажу, что существуют два непримиримых врага, с одной стороны – государство, а с другой – олигархи, – я думаю скорее, что государство держит в руках дубинку, которой бьёт всего один раз, но по голове!..

Хантер поднял рот вверх, словно вдруг собрался взвыть, однако вместо воя раздался оглушительный хохот. В уют-компанию вбежал Пол в спортивном костюме, всклокоченный, помятый и с обширным кровоподтёком под глазом.

Увидев Кольцова на экране, он мгновенно впал в бешенство.

– Выключи!

Хантер послушно нажал на кнопку. Глотнув из банки, он окинул взбудораженного миллиардера насмешливым взглядом.

– Под пиво, Пол, отлично идёт.

– Сушёная вобла под пиво гораздо полезнее!

Хантер сделал ещё один глоток, забросил опустевшую жестянку в корзину для мусора, потянулся на диване и зевнул, как кот, только что съевший вкусную мышь.

Пол безумно затряс головой.

– Где этот, как его, «тунец»?

– В трюме остывает.

– Он, в самом деле, тот самый человечек из Москвы?

– В самом деле.

Пол шумно выдохнул и в изнеможении упал на кожаное сиденье, словно после пробега на марафонскую дистанцию. Его лицо вдруг пошло страшными багровыми пятнами.

– Я флэшку нашёл, моего дорогого золотого дельфина.

– Поздравляю!

Хантер откупорил следующую банку. Пол уставился в од-

ну точку, словно вдруг увидел там нечто обескураживающее, – то ли прозрачного паука, то ли белого таракана.

Хантер осторожно кашлянул.

– Я говорю, поздравляю, Пол. Что за флэшка? Она, правда, из золота?

– А? Ага, из золота, правда.

– А что на ней записано, что-то ценное?

– Архив моей дорогой мамочки. Слушай, Рич, этот «тунец» всё-таки не выходит у меня из головы, он какой-то бешеный, не от Кольцова ли он часом прибыл?

– С какого перепугу?

Пол резко поднялся с дивана, его нижняя губа жалко дрогнула.

– Хорошо, если не от Кольцова. Флэшка, слава Богу, нашлась. Пойду, извинюсь перед Маргаритой. Дурацкая привычка всех нагибать!

Хантер понимающе хмыкнул в ответ. Пол направился к выходу, но вдруг остановился.

– Рич, ты меня всё-таки не успокоил. Почему «тунец» твоим людям рёбра поломал?

– Его волна укачала, и сейчас он немного не в форме. Когда придёт в себя, будет как шёлковый, медикаментами накачаем, короче говоря, готовь текст на пресс-конференцию.

Пол пожал плечами и мрачным призраком выплыл из каюты. Хантер поспешно нажал кнопку, словно боясь пропустить самое главное. Кольцов снова обаятельно засветился

на экране, его примечательного тембра голос вновь зазвучал, как звонкий колокольчик.

– Где-то за океаном некоторые почему-то считают, что Россия стоит на коленях, и её судьба вымалывать прощение...

Хантер хихикнул и сделал приличный глоток из банки, предвкушая неожиданный пассаж в качестве закуски.

– Так вот специально для этих чудаковатых господ ответственно заявляю, – Россия может подняться с колен и как следует огреть!..

Пиво с шумом брызнуло изо рта. Хантер откинул голову, поднял мокрый рот кверху и снова заразительно расхохотался. Он не верил, что стоящая на коленях какая-то региональная держава может кого-то, в самом деле, вздуть, вот почему подобные заявления выглядели в его глазах хвастовством прыткого кузнечика перед хищно изогнутым клювом кобчика.

6

Холод привёл в чувство. Трюм светился в таинственном полумраке рядами каких-то мешков, они поднимались до самого верха. К выходу вёл трап, там маячила толстая решётка, над которой тускло светила древняя красноватая лампочка, её света едва хватало, чтобы осветить простенький галююн, замерший сбоку в нише.

– Яхта люкс, а в трюме – бардак.

Он, продолжая бормотать нелестные оценки, никак не мог унять противную дрожь, она охватила всё тело, на котором, кроме трусов, больше ничего не было. Растирание и махи руками и ногами не помогали. Он стал бегать туда-сюда, приседать, – всё бесполезно, дрожь колотила всё сильнее.

Дольше терпеть было невозможно. Маслов подскочил к решётке и стал неистово трясти её так, словно она была виновата во всех его бедах.

– Эй, там наверху, на небесах или где... Люди! Я вам морж или кто?

Решётка ужасно громыхала, а рёв боцмана мощно резал воздух, однако трюм был, кажется, задраен наглухо. Он в отчаянии опустился на корточки, упёрся необъятной голой спиной в ледяные прутья решётки и не почувствовал этого. Ещё немного, и на мозг навалится полное безразличие. Тогда – всё!

– Он крут, зубаст, совсем не трус, и плавники танцуют блюз...

Удивительно, однако, от этих глупых детских стишков, которые он услышал от Риты тогда, в мурманском ночном клубе, вдруг стало легче. Маслов вскинул голову.

Секундочку, что получается? Она, судя по всему, знала, что его похитят! В то, что эта таинственная мадемуазель появилась на его жизненном пути случайно, теперь не верилось. Таких случайностей не бывает, но если, в самом деле,

знала, то откуда?

Он машинально посмотрел вверх, словно там был начертан ответ, и вдруг краем глаза уловил, что наверху в тёмном углу трюма за штабелем туго набитых чем-то джутовых мешков, кажется, промелькнула тень.

Может, показалось? Он осторожно заглянул в щель между мешочными рядами, уходящими вверх до самого перекрытия, и увидел зияющее отверстие, оттуда донёсся лёгкий шелест, похожий на шум сухих листьев, ласкаемых осенним ветерком.

Наверное, там располагается вентиляционная труба, и кто-то забрался в неё. Маслов неожиданно легко для своей внушительной комплекции вспорхнул на штабель и, пружинисто извиваясь телом, ловким вараном подобрался к пахнущему неизвестностью люку.

...В крошечной тьме он быстро взбирался по скобам, привычно перебирая руками и ногами. За минуту до этого там, наверху, в тёмном пространстве вспыхнул неяркий свет, осветив мужскую тень, однако в следующий миг она исчезла, а луч света сник и рассеялся в полумраке.

Маслов спешил, босая нога соскользнула, и он чудом удержался на руках, уцепившись за ручку. Голая ступня, болтаясь в воздухе, никак не могла нащупать нижнюю скобу.

– Рита, я не хотел тебя обидеть, – вдруг совсем рядом раздался голос Пола.

– Всё, Пол, я собираю вещи! – строго сказал чарующий

бархатный голос.

– Рита, подожди!

Громко лязгнула защелка замка, и воцарилась тишина. Ступня, наконец, нащупала скобу, он опёрся ногой, перевёл дух, повернул голову и вдруг увидел едва светящиеся полоски. Боцман тронул их кончиками пальцев, нащупал рёбра решётки, осторожно надавил, и они неожиданно поддались.

7

Лампы, погружённые в дежурный режим, излучали приглушённый свет. Он огляделся и различил в полумраке просторную каюту. Рациональный дизайн в бордовых тонах завораживал, встроенные шкафы аккуратно возвышались по бокам, широченная двуспальная кровать светлела посередине. Рядом с ней с обеих сторон, как верные часовые, застыли симметрично расположенные Т-образные светильники, а возле них, словно коренастые бульдоги с приплюснутыми головами, замерли прикроватные тумбочки. Иллюминатор скрывался за шёлковыми шторами, между ними темнели два кресла и кофейный столик.

Царила такая звенящая тишина, что хотелось потряхнуть головой. Он поднялся на цыпочки, аккуратно вставил решётку обратно в пазы, затем приоткрыл дверь каюты и прислушался. Снаружи было так же тихо, как внутри.

Он шагнул к королевской кровати и вдруг различил над

её изголовьем алый персидский бархат, на нём огромными золотыми буквами, стилизованными под арабскую вязь, была вышита странная фраза: «Первый Президент – мой друг навеки».

Он секунду озадаченно смотрел на бархат, затем повернулся и решительно отодвинул дверь платяного шкафа, здесь висела разнообразная мужская одежда. Боцман выбрал новые тёплые спортивные брюки, модную футболку с длинным рукавом и стильную кофту с латунными пуговицами, на одной из них сверкали выдавленные инициалы D и S, которые, по всей видимости, означали «Дмитрий Сырых». Вещи оказались подходящего размера, и он мигом натянул их на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.